

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

РОССИЙСКИЙ КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Искушающее насилие первосцены. Интерперенос как интертекст невроза переноса

А.В. Россохин

Россохин Андрей Владимирович – титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), доктор психологических наук, профессор, зав. Кафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, рук. Магистерских программ «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» и «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), президент Московской психоаналитической ассоциации (МРА), почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПСВС), главный редактор журнала «Журнал клинического и прикладного психоанализа»

В статье утверждается, что в ходе психоаналитического процесса интерперенос проявляется в виде интертекста и представляет собой сложное неиерархическое пространство со всевозможными переходами, нелинейными связями между отдельными переносами, выраженными в виде отдельных текстов. Это утверждение проиллюстрировано детальным анализом двух психоаналитических сессий. Ключевые слова: психоанализ, первосцена, интерперенос, интертекст, невроз переноса.

Каждый психоаналитик рано или поздно сталкивается с клиническим материалом, связанным с реальными или воображаемыми сценами соблазнения ребенка. Ребенок в этих сценах предстает пассивным объектом сексуальных домогательств со стороны другого лица (чаще взрослого). Когда такой материал появляется в ходе анализа, у аналитика возникает совершенно естественное контртрансферентное желание пожалеть своего пациента и помочь ему – тому, чей детский мир с его языком нежности был взломан взрослой сексуальностью с ее языком страсти (*Ferenczi, 1949*). Будучи реализованным, этот контрперенос приведет аналитика к бессознательному сговору с защитами пациента, согласно которым пациент представляет собой жертву извращенного взрослого соблазнителя. Детская сексуальность с присущими ей еще до этого возможного соблазнения возбуждением, тревогами, страхами и желаниями здесь полностью игнорируется и избегается. Избегается и чувство вины пациента за собственные сексуальные и агрессивные влечения.

В тоже время если не поддаться этому первому и конечно очень естественному желанию воспринимать своего пациента как пассивную жертву соблазнения, то в психоаналитическом процессе может открыться более глубокое и значительно более важное понимание конфликтного развития детской сексуальности и ее влияния на развитие личности пациента.

В своих работах Фрейд ясно показывает, что реальные или воображаемые сцены соблазнения часто могут не оказывать немедленного психотравмирующего воздействия, которое, однако, возникает позднее, в ходе переживания пациентом другого события, не обязательно имеющего собственное сексуальное значение. «Мы имеем здесь уникальную возможность увидеть, как воспоминание приводит к гораздо более значительному эффекту, нежели само событие» (*Freud, 1887–1902, p. 157*). Этот феномен, или точнее сказать, процесс – «апреку» – детально описан во французской психоаналитической школе. Согласно А. Грину, концепция апреку стала фундаментальным теоретическим стержнем для французского психоанализа (*Green, 2000*).

В отличие от линейной концепции времени, в соответствии с концепцией апреку *настоящее может влиять на прошлое*. Это означает, что с человеком может произойти некоторое событие, которое не будет иметь для него серьезного смысла и последствий в тот момент – только «оставит свои отметки на психике» (*A. Green*). Эта «психическая матрица» получит повторное пробуждение и новое значение позже – *ретроспективно* – когда спустя определенное время другое более или менее случайное событие внезапно придаст *новый смысл* прошлому событию. Таким образом, второе событие ретроспективно придает первому событию значение, которое существовало до этого лишь в состоянии *виртуальности, наряду с целым рядом других возможностей*.

Точно так же эпизоды соблазнения с их часто искушающим насилием ретроспективно вносят свой деструктивный смысл в ключевые, в том числе даже в самые ранние переживания ребенка – в бессознательные фантазмы о первосцене и в его психическое взаимодействие с архаическим

материнским образом внутри себя. Рассмотрим это на клиническом материале двух сеансов, взятых из анализа госпожи Елены Ф., женщины 40 лет, состоящей в браке в течение 18 лет и имеющей одного ребенка – дочь в возрасте 10 лет.

Елена была средней из троих дочерей своих родителей. Ее отец работал в российском посольстве в Канаде вплоть до рождения младшей сестры Елены, после чего семья вернулась в Москву. Через два года после рождения Елены ее мать начала изменять своему мужу, отцу Елены. Позднее она не скрывала этого от дочери, рассказывая ей некоторые подробности, и делая ее тем самым своей сообщницей. Елена чувствовала, что предавала своего отца, не решаясь ни отказаться от рассказов матери ни встать на сторону отца.

Впрочем, она не только любила, но и очень боялась своего отца. Когда ее мать поздно возвращалась домой, отец, подозревая жену в измене, начинал ее бить и кричал: «Ты проститутка». Позднее он также кричал и на Елену: «Ты такая же проститутка, как и твоя мать».

Рассказывая о раннем детстве, она вспоминает, что мать часто забывала забрать ее из детского сада, и она должна была оставаться там на ночь. Мать также часто оставляла ее у различных знакомых, и Елена помнит, как она плакала и кричала, прося мать не уходить. У нее осталось одно воспоминание: она смотрит в окно и видит на улице уходящую мать, которая ни разу не оборачивается. Маленькая Елена держит в руках блузку матери и вдыхает ее запах.

После 10 месяцев анализа череда снов и последовавших за ними воспоминаний привели Елену к почти вытесненным переживаниям, которые она испытала в возрасте 8 лет и от которых в ее сознании до этого момента оставались лишь небольшие следы. Тем летом мать Елены постоянно оставляла ее у своей сестры на весь день, забирая только поздно вечером. Сын ее тети, которому в то время было 16 лет, постоянно находился дома. Он закрывался вместе с маленькой Еленой в своей комнате и играл с ней, в то время как его мать проводила все время на кухне. Постепенно игры, по словам Елены, перешли в сексуальное злоупотребление. Маленькая девочка, чувствуя одновременно возбуждение, отвращение, стыд и страх, должна была играть с пенисом своего двоюродного брата и брать его в рот, позволяя ему при этом ласкать себя.

Елена не могла вспомнить, как долго это могло продолжаться, но, видимо, не больше 2-х недель. Ей казалось, что каждый вечер она хотела рассказать об этих играх своей матери, но что-то ее останавливало. Наконец, она все рассказала матери. Мать не поверила ей и снова отвела дочь к сестре. Через несколько дней она все же поговорила об этом со своей сестрой. Тетя обвинила Елену во вранье, и мать перестала водить Елену к ней домой.

Разворачивающийся в ходе анализа эротический перенос, ощущаемый мною в контрпереносе как соблазняющее насилие, отчетливо проявился на одном из сеансов в материале сновидения пациентки.

«Я хотела бы рассказать вам о так многом, – начинает Елена. – Я видела сон с Вашим участием. Я ехала с вами в желтом автобусе. Именно на

таким желтом автобусе мы с сестрой ездили в гости к отцу. Сеанс психоанализа происходил прямо в этом автобусе. Я заняла место рядом... ой, нет... сзади вас. Вы сидели один на двойном сиденье, место рядом с вами было свободно. Я сидела за вами и место рядом со мной также было свободно. Странно, кто-то должен был бы занять эти места?

Вы повернулись ко мне, и мы начали разговаривать. Сначала я чувствовала сильную нервозность. Это был необычный сеанс анализа, мы разговаривали друг с другом, а при этом вокруг нас было много людей. У меня было ощущение, что каждый в этом автобусе смотрел на нас и слушал то, о чем мы говорили.

Я внезапно подумала: "Какая интересная форма работы!". Вы предложили мне это. Это что-то нелегальное, незаконное. Все глаза, слушают. Я наклоняюсь к Вам и шепотом говорю: "Они же все слышат!". В ответ, вы говорите: "Продолжайте". Это была нестандартная ситуация. У меня было смешанное чувство... то ли это рабочая встреча, то ли... (после небольшой паузы) меня уводит в какую-то другую сторону... то ли встреча друзей.

Рядом с нами стояла женщина зрелого возраста. Мне казалось, что она была озадачена. Я ставлю себя на ее место и мне кажется она думала: "Кто это встретились? Друзья?.. Сослуживцы?.. (у Елены вырывается) любовники?..».

Она говорит в замешательстве: «Совершенно непонятно» и добавляет после некоторой паузы: «интересно, все развивается само собой...». Она надолго замолкает и затем уже с меньшим возбуждением продолжает: «Та женщина в автобусе напоминает мне мою тетку, мать моего двоюродного брата. Ее губы были странно покрашены – не полностью, уголки рта не были покрашены совсем. Это придавало ее строгому лицу еще большую суровость и злость. Губы казались сильно сжатыми». Елена снова замолкает, на этот раз ненадолго и почти выкрикивает: «А вы мне говорили постоянно: "Что вы туда все время смотрите, не обращайтесь на нее внимание". А я не могла не обращать на нее внимание. Ее взгляд понижывал меня, она не отводила глаз, смотрела глаза в глаза, сквозь меня. Словно она уже все поняла про меня и углубилась в свои мысли. Она думает, что я легкомысленная, несерьезная. Она думает, что я маленькая и вот так легко общаюсь с таким взрослым дядей. Это вызывает сильное чувство стыда».

Думая о том, что разворачивающийся в ходе психоаналитического процесса перенос имеет отчетливую отцовскую и материнскую составляющие, я решаю обратить внимание Елены на то, что я играю в ее внутреннем мире роль не только взрослого дяди-соблазнителя, но и этой наблюдающей и осуждающей ее женщины (тети). Я говорю изнутри переноса: «Стыд передо мной... как если бы я уже все понял про Вас и углубился в свои мысли».

Елена мгновенно отвечает, ясно демонстрируя в своем эдиповом дискурсе смешение в трансферентном образе психоаналитика отцовских и материнских репрезентаций: «Стыд за свое поведение, мне кажется вы будете осуждать меня... Как будто я... кокетничаю... с Вами (выдавливает из себя)... (долгое молчание)... Другой поворот событий...».

Елена замолкает, пораженная осознанием собственных эдиповых желаний, направленных на психоаналитика. У нее еще нет понимания, что, испытывая вину и страх наказания за свои влечения, она избавляется от них, проецируя их на отцовский объект. Это именно он соблазняет ее, переходя запретные границы. Устранив материнский образ с соседнего со мной сиденья, Елена сохраняет за ним функцию наблюдения–подсматривания. Мы можем увидеть здесь начало бессознательного повторения сцены соблазнения из ее раннего детства, в которой ее брат предлагал ей запретные сексуальные игры, а его мать, в соответствии с фантазиями Елены, все знала и непостижимым для нее образом наблюдала за ними из-за закрытой двери. Это также может привести нас и к возможным фантазиям Елены о первосцене: это она была маленькой девочкой, смотрящей на закрытую дверь родительской спальни и воображавшей себе нечто тайное, возбуждающее и пугающее одновременно. Елена меняется здесь с матерью местами, помещая ее за дверь и оставляя за ней способность видеть все происходящее внутри сквозь дверь.

«Взрослый дядя», – слышу я снова внутри себя слова Елены и внезапно вспоминаю ее рассказ об играх со своим дядей – отцом того самого двоюродного брата. Мать обычно забирала Елену домой поздно вечером, и поэтому она всегда ужинала у своей тети вместе с братом и его отцом, своим дядей. Ее дядя, приходя домой с работы, очень любил играть с маленькой Еленой. Он сильно сжимал ее уши своими руками и поднимал девочку над полом. Елена кричала от боли и звала на помощь жену дяди, свою тетю. Тетя прекращала эту «игру», но спустя несколько минут Елена снова начинала прыгать вокруг дяди и, как она сказала мне, «завлекать его», снова провоцируя на игру. Это снова и снова повторялось до тех пор, пока, по словам Елены, ее тете не надоело приходить к ней на помощь. Тетя все больше раздражалась и, в конце концов, взрывалась криком гнева, обращенным как к мужу, так и к Елене.

Нет сомнения, что Елена бессознательно проигрывала с дядей садомазохистские фантазии о первосцене, в которых она занимала материнскую позицию. Ее тетя выступала как спаситель от болезненного и в тоже время захватывающего Елену перевозбуждения, но и, одновременно с этим, как «уничтожающий, все видящий глаз», источник осуждения, обвинения и наказания.

Эти мысли проносятся у меня в голове, пока Елена молчит.

После длительного молчания Елена замечает, что, по-видимому, именно сильный страх, что та женщина увидит ее желание кокетничать со мной, заставляет ее уговаривать эту женщину сесть рядом с ней. «Я помню, как я несколько раз обращалась к той женщине и предлагала ей сесть рядом со мной. Но она каждый раз отказывалась, потому что вы громко говорили в этот момент: "Никто не хочет садиться". Кроме этого, вы смотрели на эту женщину устрашающим взглядом, который вызывал у нее ужас. Она отвечала мне: "Нет, нет, я не хочу садиться"».

В ответ на мою реплику, что в этой фантазии Елена хочет, чтобы я принадлежал только ей и никому другому больше, Елена говорит: «Мы едем в автобусе и говорим с вами по делу. Но внезапно что-то пробежало между

нами. Атмосфера меняется. Она становится более теплой. Мы смотрим друг на друга иначе. Это как ... (пауза)... как после первого свидания. Удивительное чувство загадки, тайны... Я выхожу из автобуса, наполненная теплыми чувствами».

В следующий момент я неожиданно для себя произношу многословную интерпретацию, совершенно не свойственную моей обычной аналитической работе: «В вашем сновидении вы сидите за мной, а я сижу перед вами и поворачиваюсь к вам лицом. Здесь, в аналитическом кабинете, все наоборот – я сижу сзади вас, а вы лежите на кушетке передо мной и возможно хотели бы повернуться и говорить со мной лицом к лицу. В этом сне вы занимаете мое место и помещаете меня на ваше место. Тем самым вы наделяете мой образ в вашем сне вашими собственными желаниями и запретными чувствами».

Говоря все это, я ощущал внутри конфликт: «почему я так много говорю?», «от чего хочу защититься?», «что отыгрываю?», «что оказалось для меня невыносимым в этот момент?». Почему я решил дать быстрый и рациональный ответ на мучающие Елену, на самом деле не имеющие однозначных ответов вопросы: «Что это за игры? Кто кого соблазняет? Чьи это желания? Запретны ли они? Кто виноват – она? Или отец, дядя, кузен, аналитик? Или мать, тетя, аналитик?».

В явном содержании сновидения я играю роль дяди-брата-искусителя, предлагающего ей неформальные, инцестуозно-окрашенные отношения. Елена предстает здесь невинной жертвой. Однако в глубине разворачивается совсем иная картина. Глубже в контрпереносе я чувствую искушающее насилие с ее стороны, как если бы это именно она старалась соблазнить меня, воспользоваться мною и затем оставить меня.

Ощущая в глубине себя рост напряжения в ответ на нарастающее возбуждение Елены, я осознал контртрансферентное желание защититься от Елены и укрепить «границы». Благодаря этому я понял, что Елена с помощью проективной идентификации бессознательно соблазняет меня так, как это делал с ней ее двоюродный брат, проигрывая в своем сновидении обе роли одновременно. При этом мне также отводилась роль «всевидящего ока» – внутреннего регулятора ее собственного невыносимого возбуждения, проистекающего из фантазмов о первосцене. Того самого сексуального возбуждения, с которым, как писал Фрейд, «детское понимание не может справиться, а может лишь от него отстраниться». «Отстранившись» с помощью своей интерпретации от невыносимого возбуждения первосцены, я перешел во внутреннем мире пациента из соблазняющей–соблазняемой отцовской репрезентации (а еще глубже – из репрезентации ее возбужденного детского Я) в материнскую осуждающую и угрожающую репрезентацию. Какой бы верный вербальный смысл не несла моя интерпретация, в действительности, он не был полностью воспринят Еленой. Скорее Елена «услышала» контртрансферентный посыл этой интерпретации – «это я сама виновата во всем, так как это только мои сексуальные желания. Это значит, что я должна быть наказана за них». Эти слова Елена уже говорила раньше, а на этой сессии после некоторого молчания, следовавшего за моей интерпретацией, она

произнесла: «Чтобы снять с себя вину... Чтобы показать той женщине, что я тут ни при чем, я не виновата... Это вы виноваты, а не я... (пауза)... где-то это уже было... в другом сне, где я стояла перед Вами в одной мужской рубашке... Это мужчины пытаются меня соблазнить, а я чиста и невинна... Чтобы скрыть свои желания, я даже предлагаю этой женщине сесть рядом со мной, хотя я этого совсем не хочу... (молчание)... Ваш образ во сне это как мой собственный развратный образ. Как будто с вами я могу подойти к тому, чтобы реализовать свои скрытые желания... (пауза)... Иногда в моих сексуальных фантазиях появляется ваш образ. Он возникает на мгновение, но ничего не происходит... раз – и все отключается. Внутренний запрет не дает развиваться этой фантазии. Это как стоять возле костра, перед огнем... хорошо, тепло, жар... но, если прикоснешься, то сразу же обожжешься».

«Однажды Вы уже прикоснулись к огню», – говорю я. В кабинете висает долгое молчание. Наконец, Елена, медленно выговаривая слова, начинает говорить: «Странно... Навязчивый, отвратительный образ меня преследует уже две недели... образ с картины. Друзья подарили нам с мужем картину, которую мы повесили в спальне. Это абстрактная картина, которая меня чрезвычайно раздражает и чем-то пугает. Мне очень хочется выкинуть ее или, по крайней мере, убрать куда-нибудь подальше, но я почему-то не могу это сделать... (пауза)... Я вижу там два огромных вытаращенных красных глаза, похожих чем-то на пчелиные глаза. На этой картине можно также увидеть женские ноги, полностью и бесстыдно раскрытые, и вагину между ними. Образ гигантской пчелы – глаза, жало... Рядом со всем этим я вижу также большой половой член. Я пытаюсь не смотреть на эту картину, но она все время привлекает мое внимание. Этот пенис острый, как жало у пчелы...».

Сеанс заканчивается и Елена, вздохнув, встает с кушетки. Я был уверен, что на следующий сеанс она придет с усилившимся сопротивлением, но, к моему удивлению, она продолжила рассказ о картине. «Картина, о которой я говорила вчера, преследует меня, она стоит у меня перед глазами. Словно кто-то неотрывно следит за мной... Эти пчелиные глаза кажутся безумными, они выпучены и нереально большие. Когда пчелы летят к цветку, их глаза выпучиваются от возбуждения и желания. Они выпускают свое жало».

Кажется, это реверси, сон наяву Елены лучше всего может быть описан двумя словами – *искушающее насилие* или *насилующее искушение* – словами, описывающими невыносимость возбуждения, абсолютную невозможность ни удовлетворить его, ни избавиться, ни успокоить, ни преодолеть. Мы видим, как в этой ужасающей и одновременно притягивающей фантазии Елены встречаются и смешиваются образы и переживания из разных временных и фантазийных пластов. Фантазии о первосце не получают новый смысл, сталкиваясь с переживаниями и фантазиями вокруг ранних сексуальных игр с кузеном. И наоборот, последние приобретают еще более возбуждающий и отвратительный контекст, заряжаясь от первых. Думая о том, что для того, чтобы справиться с невыносимым возбуждением («выпученные глаза») Елена прибегает к защитной

идентификации с агрессором, к фантазии об обладании пенисом, я решаю интерпретировать не первосцену с ее невыносимостью, а защиту от нее. Поэтому я говорю: «В этой фантазии, возможно, это именно Вам хотелось бы быть возбужденной пчелой, которая выпускает свое жало, чтобы обладать цветком».

Елена опять замолкает и спустя некоторое время тихо произносит: «Сложно... Мужское и женское переплетаются. В какой-то момент мужское выходит на первый план, в другое время – женское. Но все это страшные образы». За этим следует долгое молчание. Я чувствую, что поторопился, интерпретируя защитную фаллическую идентификацию Елены, и решаю вернуться к фантазиям о первосцене. Стремясь помочь Елене запустить ассоциативный процесс, я произношу: «Выпученные глаза, возбужденные глаза...». В ответ Елена внезапно осознает связь между переживаниями, связанными с образами на картине, и отсутствием сексуальных отношений с мужем в последние две недели. «Я только сейчас поняла, что точно на следующий день после того, как мы повесили картину в спальню, у меня начались женские проблемы... молочница... она вызывала такой сильный дискомфорт, что я была вынуждена полностью отказаться от секса с мужем... (пауза)... Теперь ясно, что это, видимо, неслучайно... (пауза)... То, что меня больше всего раздражало в этой картине, это была вагина, которая была всегда открыта, всегда в постоянном ожидании... (пауза)... Безумная картина... (пауза)... Безумные глаза... (пауза)... Словно должен быть постоянный секс, постоянный контакт...».

Я тихо произношу: «Картина в спальне: вагина, пенис и выпученные глаза...». Елена сразу же произносит: «Для всего этого есть одно слово – страх. Словно *эта вагина и пенис*... ой, я оговорила... я хотела сказать глаза и вагина *принадлежат женщине*». Елена опять надолго замолкает, пораженная своей много о чем говорящей оговоркой. Внезапно прорвавшийся из бессознательного архаический образ фаллической матери снова устраняется, и Елена возвращается к своим более эдиповым переживаниям. «От этой картины идет такое возбуждение и страх... пенис такой острый, что он может поранить вагину... проткнуть ее насквозь... (пауза)... Если вагина нуждается в постоянном удовлетворении, то для этого должен быть конвейер... много мужчин, которые идут и... она открыта – берите, кто хочет... и многие идут...».

«Возбужденная вагина... Она опасна своей ненасытностью?» – спрашиваю я Елену. Она отвечает сквозь зубы: «Да, именно так». Следует долгое молчание, и Елена продолжает: «Что интересно, у этой вагины очень маленькая щелочка, дырочка... просто как вход, но очень маленький... (пауза)... Как у маленьких детей... может быть поэтому так страшно... жало-пенис-то очень большой». «У маленьких детей...», – повторяю я. Елена отвечает: «Два года... это первое, что мне пришло в голову... (пауза)... Мне было 2 года, когда моя мать начала свои любовные похождения... (пауза)... Моя дочь никогда не имела ни малейшего шанса увидеть или услышать что-либо. Когда мы с мужем занимаемся любовью, я контролирую это специально. Я слушаю все звуки... Словно я знаю, что, если она увидит хоть что-нибудь, это запечатлется в ней навсегда. Когда

она была маленькой, мне часто казалось, что я замечаю ее любопытство, ее интерес... что она хочет подсмотреть, подслушать... пытается увидеть что-то... Да и сейчас у меня есть такой страх... (долгая пауза)... Я только что подумала о том, что я помню только два или три момента из того времени, когда мы жили в двухкомнатной квартире в Канаде. Мне было около четырех лет, когда мы вернулись в Москву. Мне всегда казалось, что какая-то тайна была связана с той квартирой в Канаде, что там происходило что-то таинственное, удивительное. Я всегда хотела узнать, что же там было такое...».

«Тайна, любопытство...» – произношу я. Елена мгновенно реагирует: «Вы сказали "любопытство", и я сразу вспомнила одну сцену из фильма "Москва слезам не верит". Там был момент, когда дочь неожиданно приходит домой и застаёт врасплох своих родителей, занимавшихся любовью. Они сделали вид, что ничего не было. Она не успела увидеть ничего конкретного, но она все поняла...». После долгой паузы Елена говорит, уже значительно тише и с напряжением в голосе: «Мне сейчас показалось, что я вспомнила... а может быть я это и придумала... диван, на котором спали мать и отец в той канадской квартире был все время растелен и никогда не складывался... Это как вагина, которая всегда наготове...». Я слышу, как Елена тихо плачет, борясь со слезами. «Я рассказывала вам об этом... когда я была подростком, мы с матерью ездили в дом отдыха. Она ушла в ресторан, а я легла спать. Я проснулась от того, что услышала скрип двери. Мать привела мужчину к нам в номер и все это происходило на соседней кровати... Это было так ужасно... Она совсем не беспокоилась о том, видела ли я что-нибудь. Я сомневаюсь, что она переживала об этом, и тогда, когда я была совсем маленькой».

Описанный клинический материал ясно иллюстрирует одновременное существование в психической реальности пациента различных временных и фантазийных пластов, которые сталкиваются, заряжают, активизируют и блокируют друг друга, создавая при всем этом взрывоопасные и угрожающие комбинации.

Вся эта конфликтная смесь в концентрированной форме оживает и проявляется в развивающемся в ходе анализа неврозе переноса, который, таким образом, становится принципиально нелинейным и многомерным. В каждый момент времени трансферентный образ аналитика оказывается под влиянием самых различных психических репрезентаций. Аналитик одновременно имеет «вагину и пенис»; обладает «ненасытной вагиной»; «огромным угрожающим пенисом»; у него «красные возбужденные глаза»; он превращается в «беспощадное всевидящее око», в соблазняющего «взрослого дядю», в строгую «осуждающую тетю», в маленькую кокетливую девочку, в ребенка, переполненного невыносимым возбуждением, и др. Все эти образы и состояния не переходят плавно из одного в другое, они сосуществуют как различные продолжающиеся писаться тексты в многомерном нелинейном пространстве интертекстуальности (Kristeva, 1969), развивающегося в ходе анализа невроза переноса, а точнее – ин-терпереноса (Россохин, 2010, 2020).

Интерперенос проявляется в анализе в виде интертекста и представляет собой сложное неиерархическое пространство со всевозможными переходами, нелинейными связями между отдельными переносами, выраженными в виде отдельных текстов. Поэтому *что и как* будет сказано и прочитано (услышано, пережито, понято), пути «прочтения» возникающего в анализе материала могут быть совершенно различными и принципиально непохожими друг на друга. Выбор движения по многомерному нелинейному пространству интерпереноса будет определяться сознательными и бессознательными, ассоциативными, мыслительными и аналитическими побуждениями обоих участников психоаналитического диалога.

Благодаря аналитической работе не только прорабатываются и изменяются те переносы, которые находят свое прямое воплощение в интерпереносе, но также претерпевают совместную эволюцию и бесконечное количество потенциально возможных, но не проявившихся в анализе, переносов.

Итак, установление, развитие и разрешение невроза переноса происходит в многомерном нелинейном пространстве интерпереноса. Таким образом, терапевтическое ожидание, что пациент по мере анализа будет плавно переходить от одного переноса к другому вплоть до окончательного разрешения невроза переноса, может быть неоправданным. Это означает, что в каждый момент анализа мы в своем контрпереносе должны быть готовы к «чтению совершенно нового текста», сохраняя память обо всех предыдущих.

Интертекст создается совместно обоими участниками процесса, которые являются его создателями и читателями, одновременно. Внутри интерпереноса как интертекста пациент и аналитик формируют собственные сюжетные линии (трансферентную, контртрансферентную, аналитическую), которые сталкиваются друг с другом, конфликтуют, сопротивляются, взаимодействуют и влияют друг на друга. Разрешение невроза переноса не означает слияния этих различных линий в одну «столбовую» дорогу, но, скорее, признание обоими участниками психоаналитического путешествия в многомерном нелинейном мире бессознательного права на одновременное существование различных психических состояний наряду с развитием пациентом сексуальной и личностной идентичности (зрелого индивидуального языка), позволяющей «входить» в интертекст бессознательного и «выходить» из него без потери своего языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ferenczi S.* (1949). Confusion of the Tongues Between the Adults and the Child – (The Language of Tenderness and of Passion). *Int. J. Psycho-Anal.*, 30:225–230.
2. *Freud S.* *Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887–1902.*
3. *Green A.* *Le temps éclaté, Les Éditions de Minuit, 2000.*
4. *Kristeva J.* *Sèmiôtikè. Recherches sur une sémanalyse, Seuil, coll. «Tel Quel», Paris, 1969.*

5. *Россохин А.В.* Интерсознание в психоанализе. М.: Когито-Центр, 2010.
6. *Россохин А.В.* Интерпретации в психоанализе: там, где было Я и Оно, должно стать Иное // Журнал клинического и прикладного психоанализа, 2020, т.1, в.1, с. 5–51.

The tempting violence of the primal scene. Intertransference as the intertext of the transference neurosis

A.V. Rossokhin

***Rossokhin Andrey Vladimirovich** – Titular member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), Doctor of Science* in Psychology, Professor, Head of the Department of Psychoanalysis and Business Consulting at the National Research University "Higher School of Economics", Head of the Master's Programs "Psychoanalysis and Psychoanalytical Psychotherapy" and "Psychoanalysis and Psychoanalytical Business Consulting", full-time member of the International Psychoanalytical Association (IPA), President of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA), Honorary President of the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC), Editor-in-Chief of the Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis.*

The article argues that in the course of the psychoanalytic process, intertransference manifests itself as an intertext and is a complex non-hierarchical space with all kinds of transitions, nonlinear connections between individual transferences expressed in the form of separate texts. This statement is illustrated by a detailed analysis of two psychoanalytic sessions.

Keywords: psychoanalysis, primal scene, intertransference, intertext, transference neurosis.

* Doctor of Sciences. A post-doctoral degree called Doctor of Sciences is given to reflect second advanced research qualifications or higher doctorates in ISCED 2011.